

Н.В. Промыслов, Е.А. Прусская*

ВОСТОК В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СОЛДАТ АРМИИ НАПОЛЕОНА: ОТ ЕГИПТА ДО РОССИИ

Революционные и Наполеоновские войны стали особым этапом во французской истории XVIII–XIX вв. Военные походы затронули огромные пространства, в них принимали участие сотни тысяч людей. Перемещаясь по территории германских и итальянских государств, Испании и Австрии, Египта и России, французские солдаты вступали в контакт с представителями иных культур. Но если с ближними соседями (и давними противниками), такими как Пруссия и Австрия, французы были уже неплохо знакомы, то кампании против Египта¹ и России стали во многом «открытием» этих стран для французов. Именно через познание чужих и далеких культур и происходило формирование национального самосознания французов.

К концу XVIII в. Египет, и Россия были не столь широко известны во Франции как сопредельные государства, но, тем не менее, определенные знания об этих регионах имелись, в частности, у интеллектуальной элиты. Египет как часть мусульманского Востока в раннее Новое время был окутан ореолом легенд и сказок «Тысячи и одной ночи», ему приписывались во многом фантастические черты, и только с конца XVIII в. началось его рациональное осмысление и научное исследование². Интерес французов к Востоку, усилившийся после активизации дипломатии Людовика XIV в этом регионе, выразился и в том, что многие путешественники посетили различные провинции Османской империи в XVII–XVIII вв. Таким образом, знания европейцев об арабо-османском Востоке постепенно накапливались и расширялись, а в 1647 г. на французский язык с арабского был впервые переведен Коран³. В XVIII в. было издано несколько сочинений об арабском Востоке как французских авторов, посетивших Египет и Святую землю (библиотекаря короля М. Тевено, ученого Э. д'Эрбело, дворянина П. Люка, миссионера отца Сикара, дипло-

* Николай Владимирович Промыслов, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; Евгения Александровна Прусская, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

¹ Египет с 1517 г. входил в состав Османской империи, однако в данной статье он условно обозначен термином «страна» как территория с определенным географическим положением и культурно-историческим единством.

² Carré J.-M. Voyageurs et écrivains français en Égypte. Genève, 2006. P. 79.

³ L'Alcoran de Mahomet traduit d'arabe en François par le Sieur Du Ryer, Sieur de la Garde Malezair. P., 1647.

матов Б. де Майе, Ф. де Тотта и др.), так и других европейцев (ирландского священнослужителя Р. Поккока и немецкого монаха И.М. Ванслеба, греческого торговца С. Люзиньяна)⁴. Непосредственно перед вторжением в Египет во Франции появились обстоятельные сочинения французов Клода-Этьена Савари «Письма о Сирии и Египте»⁵ и Вольнея (Константена Шассбёфа) «Путешествия по Египту и Сирии в 1783, 1784 и 1785 гг.»⁶, имевшие большой успех у образованной публики и выдержавшие не одно переиздание. Несомненно, все эти работы формировали определенный образ Востока во Франции, а непосредственно Египет изображался зачастую как богатый край, который находится в упадке из-за неразумного правления и который при мудрых просвещенных правителях способен достичь процветания.

Безусловно, Россия была лучше знакома французам по дипломатическим донесениям XVIII в., сочинениям философов, путешественников, литераторов⁷. Однако авторы литературных и философских сочинений нередко использовали непроверенную информацию, слухи и даже явные вымыслы. Кроме того, эти сочинения получили распространение только в среде интеллектуальной и политической элиты Франции, тогда как широкие слои населения имели лишь скудные представления о Российской империи. Зато в 1812 г. в составе армии Наполеона в России сразу побывало не менее 300 тыс. французов, представлявших различные слои общества. Многие из переживших этот поход оставили затем свои устные или письменные воспоминания о нем, чем оказали огромное влияние на формирование массовых представлений французов о России.

⁴ О путешественниках на Восток см., например: *Carré J.-M. Voyageurs et écrivains français en Egypte*. Genève, 2006; *Куделин А.А. Подход европейских путешественников XVII–XVIII веков к описанию стран Ближнего Востока // Цивилизация, государство и общество Евразии: вчера, сегодня, завтра: Сборник статей участников Международной научно-практической конференции*. Москва, РУДН, 11–12 ноября 2008 г. М., 2009. С. 143–153. *Захани И.* Ру-ят ар-раххала аль-урубийн ли Мыср бейна-ль-наз'ат ал-инсаня ва-ль-исти'амария [Взгляд европейских путешественников на Египет: между гуманизмом и колониализмом]. Каир, 2005.

⁵ *Savary C.-E. Lettres sur l'Égypte, où l'on offre le parallèle des moeurs anciennes et modernes de ses habitans, où l'on décrit l'état, le commerce, l'agriculture, le gouvernement et la religion du pays, la descente de S. Louis à Damiette, tirée de Joinville et des auteurs arabes, et avec des cartes géographiques*. P., 1785–1786. 3 vol.

⁶ *Volney C.-F. Voyage en Syrie et en Égypte pendant les années 1783, 1784 et 1785 avec deux cartes géographiques et deux planches gravées représentant les Ruines du Temple du Soleil à Balbek, et celles de la ville de Palmyre, dans le désert de Syrie*. P., 1787. 2 vols.

⁷ О том, что писали о России во Франции XVIII века, существует множество работ. Из вышедших в последние двадцать лет см.: *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003; *Карп С.Я.* Французские просветители и Россия. М., 1998; *Мезин С.А.* Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. Саратов, 2003.

Обе кампании породили большой комплекс документов, как официальных, так и личного происхождения: дневников и мемуаров. Важными источниками информации о Египте и России для французов были частные письма из армии. Еще одним ценным источником сведений была пресса, в том числе выпускавшаяся на оккупированных территориях в Египте, и различного рода пропагандистские документы, выходявшие из штаба Бонапарта или написанные по его указанию. Сформированные этими документами образы Египта и России имели ряд сходных, архетипических черт, которые приписывались чуждой неизвестной восточной стране.

Характерной спецификой обоих походов были очень тяжелые бытовые условия, в которых находились солдаты на протяжении большей части пути. Военные кампании конца XVIII – начала XIX в., как правило, были сопряжены с трудностями в повседневной жизни⁸, но именно во время походов в Египет в 1798–1801 гг. и в Россию в 1812 г. эти трудности получили столь большое значение. Непривычные условия ночлега, незнакомый климат, плохое и необычное питание, проблемы с обмундированием – все это вызывало недовольство в рядах армии, которая, кроме того, встречала упорное сопротивление со стороны местных жителей – представителей чуждой ей культурной среды. При этом все трудности походов участники в обоих случаях связывали с особенностями страны, в которую они попали.

До отправления в Египет большинство участников экспедиции не знали точно, куда же они направляются под командованием генерала Бонапарта. Однако когда после захвата Мальты цель похода была определена, то, как видно из дневников и писем солдат и ученых, ожидалось, что армия прибудет в богатый регион. Подобный образ Востока был сформирован как литературой путешественников конца XVIII в., в частности Савари, так и пропагандой Бонапарта, который, очевидно, стремился убедить солдат, что Египет является исключительно выгодным приобретением для Франции. Сам командующий был уверен в богатстве страны и понимал ее выгодное стратегическое положение на пересечении торговых путей, что видно из его писем, отправленных в первый месяц пребывания в Египте: «Страна прекрасна. Здесь есть все для удовлетворения наших желаний»⁹; «Страна эта одна из самых богатых зерном, овощами, рисом и животными – даже более богата, чем мы можем себе

⁸ *Petiteau N. Guerriers du Premier Empire. Experience et memoires. P., 2011. P. 44, 60.*

⁹ Бонапарт – генералу Дюгуа. 22 Мессидора VI года (10 июля 1798 г.) // *Napoleon Bonaparte. Correspondence générale. Vol. 2. P., 2005, P. 185.*

вообразить»¹⁰. Известно, что Бонапарт ценил Вольнея, много писавшего о потенциальной выгоде владения Египтом, и даже предлагал ему отправиться с армией, однако тот отказался¹¹.

В начале экспедиции часть солдат действительно верила в несметные богатства Египта и в важность для Франции египетской кампании. Во фразе интенданта Жобера, писавшего из Александрии своему брату, отчетливо слышен отголосок книг Савари и Вольнея: «Вот такова эта страна, столь богатая изнутри, и которая под управлением просвещенного правительства сможет увидеть возрожденными века Александра и Птолемея»¹². Некто Буае также писал из Каира о богатствах Египта своим родителям: «Несмотря на все ужасы и беды, которые мы здесь переносим, несчастья, которые терпит армия, я признаю, тем не менее, что это – наиболее подходящая страна, способная стать для Франции колонией, приносящей неисчислимые выгоды, для чего, однако, нужны время и люди»¹³. Впрочем, подобное приподнятое настроение царило лишь сначала, в целом же большинство участников похода испытали страшное разочарование. Вместо богатой страны, которую они ожидали обнаружить, сразу сойдя с кораблей, солдаты и ученые столкнулись с тем, что на пути от Александрии к Каиру через пустынные местности питаться им было практически нечем – в основном их пищей были только дыни и вода из Нила.

Естественно, участники похода ужасно ругали Египет, и мотив возвращения домой стал одним из главных в их дневниках и письмах. Адьютант генерала Бертье Ле Тюрк прямо писал отцу: «Я не скрываю, что для меня, уже бывшего солдата, большая честь совершить путешествие столь важное и поучительное, но зная теперь, что из себя представляет страна, и зная обо всех лишениях, что мы здесь терпим, я не уверен, что если бы пришлось отправиться вновь в подобное путешествие, я бы принял в нем участие»¹⁴. Ученый Ж. Проспер отмечал, какое негодование в армии вызывало «беспомощное состояние, в котором оказалась масса молодых людей, которых оторвали от родины, от родителей и друзей и которым пообещали [золотые] горы и чудеса»¹⁵.

¹⁰ Бонапарт – адмиралу Брюйесу. 9 термидора VI года (27 июля 1798 г.) // Copies of original letters from the army of general Bonaparte in Egypt, intercepted by the fleet under the command of admiral Lord Nelson. L., 1799–1801. Vol. 1. P. 57.

¹¹ *Захати И.* Указ. соч. С. 48.

¹² Жобер – Жоберу. 20 мессидора VI года (8 июля 1798) // Copies of original letters. Vol. 1. P. 15.

¹³ Буае – родителям. 10 термидора VI года (28 июля 1798) // Ibid. P. 145.

¹⁴ Ле Тюрк – отцу. 10 термидора VI года (28 июля 1798) // Ibid. P. 123.

¹⁵ *Jollois J.-B.-P.* Journal d'un ingénieur attaché à l'expédition d'Égypte, 1798–1802 / Publ. par P. Lefèvre-Pontalis. P., 1904. P. 43.

Даже прибыв в Каир, столицу, в которой Бонапарт обещал солдатам обилие продовольствия¹⁶, они не увидели того, чего ожидали. Участники похода открывали свои собственные кафе с более привычной им кухней – местные блюда для них оказались излишне экзотичны. Так, минеролог Кордье, описывая обед у старосты одного из поселений в Дельте, отмечал, что все искусство турецкой кухни сводится к «смеси мяса, овощей и коринфского винограда, поверх которой живописно разложены ломти баранины. Это их любимое блюдо. Самая большая похвала, которую можно ему сделать, это сказать, что оно неплохое»¹⁷. Он же упоминал об «отвратительных рагу», которые присутствовали на столе¹⁸.

Все участники похода отмечали запрет на алкоголь в Египте, что не могло вызвать у них одобрения. Многие солдаты страдали из-за отсутствия алкоголя, в том числе и потому, что он был наиболее эффективным профилактическим средством. А. Савари, адъютант генерала Л.Ш. Дезе, прямо писал из Каира своим товарищам в Александрию: «Вся армия мучается диареей из-за того, что пьет воду. Ради Бога, привезите вино, водку и ром»¹⁹, причем отчаянно повторял эту просьбу в письме несколько раз.

В 1812 г. солдаты полумиллионной Великой армии страдали от недостатка продовольствия и фуража, еще перемещаясь по территории Варшавского герцогства и германских государств, то есть до начала боевых действий. Связано это было с целым рядом объективных факторов, а также с ошибками в планировании кампании, однако большинство участников похода единогласно обвинили во всех трудностях страну пребывания. Пленные солдаты из корпуса Даву уже в июне 1812 г. сообщали, что хлеба и сухарей у них было мало, часто они получали только муку, реквизированную у местного населения. Из-за недостатка фуража приходилось кормить лошадей свежескошенным зеленым овсом или хлебом, от чего общее состояние кавалерии было неудовлетворительным. Пленные поляки вообще утверждали, что питаются только тем, что удастся взять «грабежом и реквизицией»²⁰. Во время наступления французам удавалось

¹⁶ Об этом свидетельствует в одном из писем портной Берное. Берное – жене. 4 термидора VI года (22 июля 1798) // *Bernoier F. Avec Bonaparte en Égypte et en Syrie : 1798–1800. 19 lettres inédites / Pr. par Ch. Tortel. P., 1981. P. 54.*

¹⁷ Archives de l'Académie des sciences. Paris. Dossier biographique P.-L. Cordier, 12 juin 1798. P. 37.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Савари – Дузело. 9 термидора VI года (27 июля 1798) // *Copies of original letters. Vol. 1. P. 82.*

²⁰ Показания пленных французов и поляков, взятых в плен генерал-майором Дороховым в июне месяце 1812 г. // *Русская старина. Август, 1907. Т. 131. С. 330–332.*

время от времени захватить кое-какие склады с продовольствием, но на огромную армию его не хватало. Поэтому Москва, также как в Египте Каир, представлялась участникам похода землей обетованной, где они надеялись найти большие запасы продовольствия, фуража, нормальные условия для размещения, а самое главное, с Москвой были связаны их ожидания на заключение мира. Жители не успели вывезти из города весь провиант, часть которого уцелела даже после пожара, благодаря чему рацион некоторых участников похода пополнился такими продуктами, как кофе и сахар²¹. Но сбор продуктов на оккупированной территории носил беспорядочный характер, и потому одни могли наслаждаться кофе или сохранять до более тяжелых времен полученный в подарок шоколад²², тогда как другие часто не имели «ни хлеба, ни мяса»²³.

Участники похода в Россию не только страдали от нехватки продовольствия, но и нередко жаловались на качество продуктов, которые им удавалось раздобыть. Недовольство невысоким качеством хлеба можно найти в письмах помощника главного интенданта А.Ф. Варне,²⁴ А. Бейля²⁵, неизвестного, подписавшегося как R.S.²⁶, генерала Л. Барагэ д'Ильера²⁷ и др. В этих письмах речь идет преимущественно о солдатском «пайковом» хлебе (*pain de munition*), которым не привыкли питаться люди из привилегированных слоев, каковыми без сомнения являются все перечисленные авторы. Возможно поэтому мы не находим подобных жалоб в письмах представителей нижних чинов, не имевших в мирной жизни доступа к изыскам высокой кухни. Однако в мемуарной литературе можно найти воспоминания участников похода 1812 г. из нижних слоев, в которых они рассказывают о том, как покупали или брали силой готовый хлеб у русских крестьян и горожан: «То, что выглядело как торф, при ближайшем осмотре оказалось черствым, кислым черным хлебом, в котором было много овсяной шелухи. Хлеб был нарезан кусочками, высушен в печи, и таким образом получилось нечто вроде сухарей. Наш был внутри белый не от плесени, а от химического разложения»²⁸.

²¹ Полковник Ф. Парге – жене, 30.09.1812 // *Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812* / publ. par S.E.M. Goriainow. P., 1913. P. 61.

²² Б. Бростаре – отцу, 3.11.1812 // РГАДА. Ф. 30. Д. 267. Л. 83.

²³ Итасс – Коленкампу, 15.10.1812 // *Lettres interceptées par les Russes*. P. 102–103.

²⁴ А.Ф. Варне – Ж.Ж. Амберу, 12.10.1812 // *Ibid.* P. 76.

²⁵ А. Бейль неоднократно жаловался на то, что в России он питается ужасным хлебом, см. его письма графине П. Дарю, отцу в Гренобль, а также Мартиалю Дарю // *Ibid.* P. 242, 269, 270, 272.

²⁶ R.S. – мадам Лебрэн, 13.10.1812 // *Ibid.* P. 81.

²⁷ Л. Барагэ д'Ильер – жене, 4.11.1812 // *Ibid.* P. 345.

²⁸ Наполеон в России глазами иностранцев. Книга вторая. Отступление. М., 2004. С. 474.

Самые тяжелые испытания выпали на долю французов во время отступления из Москвы. Продовольствия не хватало всем. Поэтому приходилось питаться павшими лошадьми, что было крайне непривычно для французов. Даже главный интендант Великой армии генерал Матье Дюма признавал, что питается кониной. Случались и более экзотические гастрономические эксперименты. Один из участников похода описывал, что в Вязьме они с товарищами «отведали неплохое рагу из кошки. На пятерых мы съели трех больших кошек, которые были великолепны»²⁹. В мемуарах некоторые участники похода вспоминали и о случаях каннибализма, якобы некоторые из отступавших солдат не гнушались употреблять в пищу обгорелые трупы товарищей по оружию. При этом авторы отчасти даже оправдывали происходящее, Бургонь писал, что в некоторых условиях и сам мог бы дойти до такого³⁰. Не вполне ясно, насколько часто подобное происходило в реальности, но в любом случае читатель увязывал эти случаи с особенностями страны, где происходили описываемые события.

Одной из важнейших характеристик как Египта, так и России стал непривычный климат, который, по мнению самих французов, во многом приблизил их поражение. Изнуряющая жара долины Нила, слепящее солнце, пустынные местности производили тягостное впечатление на участников похода, которые с трудом переносили знойную погоду. По словам офицера Лакюе, «кампания, которую мы только что провели, без сомнения самая мучительная из всех, которые когда либо совершали французы – наши переходы через пустыни под огненным небом, через обжигающие пески, по пять дней без воды, по пятнадцать без хлеба, по три месяца без вина, без остановок на бивуак»³¹. Жара и слепящее солнце вызывали у участников похода неожиданные заболевания, в первую очередь связанные с глазами, но также и другие непривычные реакции. Так, командир полубригады (*chief de brigade*) Ш. Лазаль писал возлюбленной: «От жары мы сделались черными, как вороны, и, вдобавок ко всем моим бедам, я полностью лишился волос...»³² Утомительные передвижения без еды и воды по многу дней через пустынные местности по изнуряющей погоде доводили многих солдат до самоубийства³³. Конеч-

²⁹ Ж. Лоренсан – матери, 9.11.1812 // РГАДА Ф. 30 д. 266, л. 39-об.

³⁰ *Bourgogne A.J.B. Mémoires du sergent Bourgogne. 1812–1813. P., 1910. P. 78.*

³¹ Лакюе – дяде. 27 термидора (14 августа) // *Copies of original letters. Vol. 2. P. 124.*

³² С. Лазаль – своей Жозефине. 20 термидора VI года (7 августа 1798) // *Copies of original letters. Vol. 2. P. 117.*

³³ Розе-Гриве. 23 фрюктидора VI года (9 сентября 1798) // *Copies of original letters. Vol. 2 P. 215; Journal du capitaine François (dit le Dromadaire d'Égypte), 1792–1830 // Pr. par J. Jourquin. P., 2003. P. 210; Буае – родителям. 10 термидора VI года (28 июля 1798 г.) // *Copies of original letters. Vol. 1 P. 143–144.**

но, те солдаты, кто побывал в Дельте и в Нижнем Египте, описывали благодатную природу тех мест, особенно область Розетты³⁴, но в целом климат Египта оказался для участников экспедиции крайне тяжким. Египет предстал в дневниках и письмах французов не как плодородная страна, а как «проклятая»³⁵.

В России, если верить мемуарам, погода оказалась для французов непривычной и зимой, и летом. В некоторых воспоминаниях можно даже найти сравнение условий пребывания наполеоновской армии в России и Египте³⁶. Справедливости ради надо отметить, что такие фразы бросали, как правило, те, кто в Египетском походе не участвовал. Жара в России казалась им также тяжелее итальянской³⁷, хотя с климатом этой страны было знакомо уже гораздо больше участников «русской кампании». В этом отношении мемуаристы точно следовали за пропагандой начального периода войны. На протяжении большей части кампании бюллетени Великой армии старались опровергнуть или по крайней мере скорректировать традиционные представления европейцев об ужасах российского климата, и потому на страницах этих документов можно найти утверждения, что погода в России в настоящий момент жарче, чем в Италии³⁸. В сентябре-октябре российскую погоду сравнивали с французской: «Здесь светит солнце и теплее, чем в Париже в это время года. Незаметно, что это север»³⁹ – утверждал бюллетень от 9 октября.

Однако в конце войны в 28 и 29 бюллетенях Наполеон вернулся к традиционным климатическим стереотипам о России. Основной причиной поражения в России были названы неожиданно наступившие в первой половине ноября небывалые морозы, которые привели к гибели лошадей и невозможности армии сопротивляться⁴⁰. В мемуарах, написанных на Святой Елене, император еще раз повторил эту теорию гибели Великой армии в России от внезапных и суровых холодов. И эту «климатическую» теорию поражения Великой армии в России многие мемуаристы взяли на вооружение при создании собственных историй кампании. Без описания морозов в 1812 году не обходятся ни одни мемуары. И даже те

³⁴ Например, инженер П. Жоллуа, артиллерист Л.-Ж. Брикар, инженер Р.Э. де Вийер дю Тетраж и др.

³⁵ А. Декорче – жене. 12 фюктидора VI года (29 августа 1798 г.) // Copies of original letters. Vol. 2. P. 183.

³⁶ *Ла Флиз де*. Поход Наполеона в Россию в 1812 г. М., 2003. С. 54.

³⁷ *Ложье Ц*. Дневник офицера Великой армии в 1812 г. М., 2005. С. 97; *Boulart J.F. Mémoires militaires*. P., 1892. P. 251.

³⁸ *Moniteur Universel*. 1812. № 231, 234, 249, 255.

³⁹ *Moniteur Universel*. 1812. № 302.

⁴⁰ *Moniteur Universel*. 1812. № 334 и 352.

мемуаристы, которые старались более объективно смотреть на события кампании и критиковали Наполеона и его штаб за недостаточную подготовку похода, все равно придавали климату большее значение, чем действиям русской армии. В результате русский поход Наполеона оказался накрепко связан с образом преодоления климатических факторов и в первую очередь – морозами и снегом.

Противники французов в обеих кампаниях изображались участниками походов схожим образом. В Египте эти были арабы, бедуины (между двумя этими группами французы не проводили четких различий), мамлюки⁴¹, а затем и турки-османы. Всех их изображали дикими, жестокими варварами, которые понятие не имеют о гуманности и не знают, что такое тактика и строй. Однако более всего французов возмущало отношение противников к пленным: капитан Франсуа писал, что у турок⁴² существует «варварский обычай отрубать головы своим противникам, поскольку им платят определенную цену за каждую из них»⁴³. Однако если у мамлюков и османов отмечались и положительные качества – отвага или красота⁴⁴, то бедуины однозначно представляли на страницах дневников, писем и прессы как жестокие разбойники-варвары, которые грабили не только оккупантов, но и жителей Египта, а с пленными французами обращались крайне жестоко. Вообще, отсутствие «правил войны» и гуманности к пленным у противников вызывало большое удивление у французов и связывались с варварством жителей Египта. Один из участников экспедиции, капитан Ге в письме родителям прямо подчеркивал: «Представьте себе, что нам пришлось сражаться с варварами, которые не знают правил войны и, как следствие, используют всю возможную жестокость против несчастных французов, оказавшихся в их руках: одним они отрезают уши, другим носы,

⁴¹ Мамлюки (от *араб.* «находящийся во владении») – белые невольники, специально подготовленные для военной службы. Они составляли основу войска Фатимидов (969–1171) и Айюбидов (1171–1250). В 1250 г. захватили власть в Египте и правили вплоть до завоевания Египта османами в 1517 г. (период «мамлюкского султаната»). С вхождением Египта в состав Османской империи в эту провинцию из Стамбула назначался наместник, однако в XVIII веке реальная власть была снова сосредоточена в руках мамлюков, которые фактически сформировали параллельные официальной структуре власти, и османский наместник стал номинальной фигурой в управлении Египтом.

⁴² Под «турками» в прессе и источниках личного происхождения понимались не только турки-османы, но и просто «мусульмане». Однако в данном отрывке идет речь именно о сражении с османской армией.

⁴³ *Journal du capitaine François*. P. 330.

⁴⁴ *Morand Ch. Lettres sur l'expédition d'Égypte: de l'Italie à la prise du Caire; suivies de son Carnet de route de chef de brigade: de Rome à Assouan. 1798–1799 / Éd. par le comte Morand*. P., 1998. P. 58. Лакюе – дяде. 27 термидора (14 августа) // *Copies of original letters*. Vol. 2. P. 124; А. Декорче – жене. 12 фрюктидора VI года (20 августа 1798) // *Ibid.* P. 186; *Journal du capitaine François*. P. 334.

третьим – головы и делают другие вещи, о многих из которых я помню и холодею при мысли о них»⁴⁵. Капитан-адъютант Шеши в письме другу вообще сравнивал арабов со скифами, бывшими для европейцев в первую очередь варварами: «Эти арабы напоминают древних скифов. Их родина – весь мир, они живут грабежами»⁴⁶.

Методы ведения войны у русских также признавались скифскими и варварскими. Чаще всего они отмечались у казаков, которых описывали как дикарей⁴⁷ и нередко сравнивали с арабами⁴⁸. Им приписывалась крайняя жестокость, сопряженная с трусостью, так как они нападали из темноты, большими массами и не вступали в правильное продолжительное сражение⁴⁹. При этом участники похода часто называли казаками все летучие партизанские отряды, а также иные иррегулярные формирования, не разбираясь, из каких конкретно частей они состояли. Особо отмечали мемуаристы участие в кампании башкирских и калмыцких всадников, вооруженных луками, что было важнейшим символом варварства всей русской армии, раз в ее составе могли оказаться такие воины. Атаки со стороны этих войск воспринималась французами как оскорбление⁵⁰, хотя в действительности эти отряды часто очень успешно совершали рейды по тылам Великой армии, чего французы не хотели признавать.

Вслед за наполеоновской пропагандой участники похода, как правило, называли тактику, применявшуюся русской армией, неэффективной, поскольку, с одной стороны, во всех крупных столкновениях французы считали себя победителями, а с другой – действия казаков, по их мнению, наносили больший ущерб местному населению, чем солдатам Великой армии⁵¹. Поэтому те, кто сохранил верность знамени и не оставил свою часть, могли считать себя надежно защищенными от нападений этих отрядов.

Причиной неэффективности действий русской армии была, по-видимому, цивилизационная отсталость русских. Доказательством такой

⁴⁵ Ге – родителям. 9 термидора VI года (27 июля 1798) // *Copies of original letters*. Vol. 2. P. 46.

⁴⁶ Шеши (Shechy) – Дульсе // *Copies of original letters*. Vol. 2. P. 12–13.

⁴⁷ *Bourgogne A.J.B. Mémoires*. P. 149.

⁴⁸ Л. Баратэ д'Ильер – жене, 31.10.1812 // *Lettres interceptées par les Russes*. P. 343; А. Бертье – М. Нею, 2.11.1812 // *Chuquet A. 1812. La Guerre de Russie. Notes et documents*. P., 1912. Т. 2. P. 208.

⁴⁹ Итасс – брату, 16.10.1812 // *Lettres interceptées par les Russes*. P. 169; капитан Клод Сола – великой герцогине Тосканской, 13.10.1812 // *Ibid.* P. 337.

⁵⁰ *Roos H., von. Souvenirs d'un médecin de la Grande Armée*. P., 2004. P. 92.

⁵¹ *Vieillot R. Souvenirs d'un prisonnier en Russie pendant les années, 1812–1813–1814*. Luney, 1996. P. 102.

отсталости было привлечение к боевым действиям крестьян и широкое использование казаков. Привлечение мирного населения к вооруженной борьбе противоречило правилам войны, согласно которым строго отделялись солдаты, которые убивают друг друга, и мирное население, которое необходимо защищать.

В мемуарах можно найти описания героизма и стойкости русских солдат⁵², но этот героизм также объявлялся следствием варварства и рабского положения большинства населения России – крестьян, из которых в основном формировалась русская армия⁵³. То есть геройское поведение и стойкость в бою были не следствием осознанных действий, а оказывались вызваны тем, что солдатам просто нечего терять, и они поэтому не дорожат своими жизнями.

Жестокость русских выражалась и в их отношении к пленным⁵⁴. Не жалели они и своих, так редкие мемуары обходятся без упоминания 30 тыс. русских раненых, брошенных в Москве, которые якобы все сгорели в большом пожаре. Хотя те же мемуаристы через несколько страниц могли писать о русских раненых, которые уже после пожара мародерствовали в Москве или были уведены французами в качестве пленных из города вместе с основными силами Великой армии. Важнейшим проявлением варварства русских стало уничтожение собственных городов, и в первую очередь – московский пожар.

Социальная структура египетского и российского обществ также имела ряд схожих черт в глазах французов. Общество Египта представлялось французам разделенным на две категории: тиранов, стоящих у власти – номинально османов и реально мамлюков, и рабов, то есть всего остального населения, которое, привыкнув к многовековому подчинению, считало это состояние чуть ли не естественным для себя. Подобная схема была обрисована еще Савари и Вольнеем⁵⁵, и участники похода также видели в египетском обществе такое устройство. Так, портной Берное отмечал в письме жене: «Конечно, люди образованные и просвещенные не стали бы страдать от такой тирании и скорее восстали бы против угнетателей,

⁵² Boulart J.F. Op. cit. P. 255; Caulaincourt A. Mémoires du général de Caulaincourt, duc de Vicence, Grand écuyer de l'Empereur. P., 1933. T. 1. P. 433; Segur Ph.P. Histoire de Napoléon et de la Grande Armée pendant l'année 1812. P., 1824. T. 1. P. 154.

⁵³ Lesur Ch.L. Des progrès de la puissance Russe. Paris, 1812. P. 407.

⁵⁴ Подробнее об обращении с пленными в России см.: Рей М.П. Россия и русские глазами пленных французов в 1812 г.: компаративное исследование // ФЕ 2012. М., 2012. С. 366–382.

⁵⁵ Подробнее об описании Египта двумя авторами см.: Прусская Е. А. Египет в сочинениях французских путешественников К.-Э. Савари и К.-Ф. Вольнея в конце XVIII в. // ВИ. 2012. № 1. С. 111–121.

чем терпели бы их иго!.. Но эти невежественные люди того не осознают и выносят все со смирением и покорностью, не становясь от того более несчастными»⁵⁶. Естественно, в глазах французов они сами стояли на более высокой ступени культурного и общественного развития, нежели население Египта, и местные жители представлялись им исключительно отсталыми варварами. И хотя в ряде случаев при близком личном контакте французы меняли свое мнение о местных жителях, это было скорее исключение из правил. Например, капитан Франсуа писал об одном мамлюке, который всячески помогал французам. Это так поразило его, что он даже констатировал: «Признаю, после такого поступка я заметил, что этот народ совершенно не заслуживает той репутации варваров, какую ему приписывают»⁵⁷. Впрочем, отмечал Франсуа, подобное поведение столь «противоположное нашим привычным представлениям о восточном характере» не было распространено повсеместно, а было присуще только людям более просвещенным. Более того, по его мнению, подобная преданность мамлюка была данью уважения «великому характеру» французов и стала «наиболее прекрасным свидетельством славы, которую мы обрели в Египте»⁵⁸.

Российское общество также делилось французами на две сильно отличающиеся друг от друга части. Однако в отличие от Египта, российское дворянство признавалось цивилизационно близким европейцам, поскольку было в некоторых случаях очень образованным и владело европейскими языками. Сегюр утверждал, что российская аристократия по своим обычаям, культуре, знанию современных европейских языков и элегантности костюма была близка европейцам, в то время как купцы удивляли своей роскошью и азиатским внешним видом, а простой народ носил греческие костюмы и длинные бороды⁵⁹.

Хотя при желании французы находили азиатские, варварские черты и у российских дворян. «Их (российских дворян. – *Авт.*) блеск, их роскошь, их безмерная расточительность напоминают Лукулла из Древнего Рима, а в большей степени – сатрапов Востока. И не столько в их кажущемся величии, сколько в тех пороках, которые их унижают»⁶⁰. Эта поправка весьма симптоматична. Российскому дворянству не следовало иметь сходство с древнеримской аристократией (Лукулл), так как Рим – это прошлое просвещенной Европы. Поэтому российская знать помеща-

⁵⁶ Берное – жене. Без даты // *Bernoyer F.* Op. cit. P. 86.

⁵⁷ *Journal du capitaine François.* P. 425.

⁵⁸ *Ibidem.*

⁵⁹ *Segur Ph.P.* Histoire de Napoléon. T. 2. P. 6.

⁶⁰ *Lesur Ch.L.* Op. cit. P. 442–443.

ется в азиатский контекст путем сравнения с персидскими сатрапами. Больше всего контактов с гражданским населением было у пленных Великой армии, и многие из них подчеркивали, что отношение к пленным со стороны дворян было преимущественно весьма дружелюбным, что связывали с распространением франкофилии среди высших классов России, тогда как простой народ часто не скрывал своей ненависти к наполеоновским солдатам⁶¹.

После многочисленных конфликтов между государством и церковью в период Революции и Первой империи отношение во французском обществе и особенно в армии к религии и вере было более чем прохладным. Однако в период и Египетского, и российского походов религиозный вопрос стал важным фактором, характеризующим особенности страны.

Бонапарт хорошо подготовился к экспедиции в Египет и учел все те знания, что получил из сочинений о Египте путешественников, в частности, Вольнея, в своей политике по отношению к местному населению. Основой религиозной политики Бонапарта стала религиозная демагогия, поскольку уже в первой прокламации к жителям Египта Бонапарт заявлял следующее: «Скажите своему народу, что французы истинные мусульмане. Доказательством этого является то, что они пришли в Великий Рим и уничтожили власть папы, который постоянно подстрекал христиан к войне против мусульман»⁶². В своих указаниях солдатам Бонапарт призывал их уважать культ и обычаи местного населения⁶³. Когда английские и османские корабли подошли к берегам Египта у города Абукира летом 1799 г., французы, всячески старавшиеся расположить мусульман Египта к себе и опасаясь, что на кораблях могут находиться русские войска, издали воззвание к жителям Египта со следующими утверждениями: «Противник, прибывший на кораблях в Египет, собирается, объединившись с мамлюками и бедуинами, разграбить и опустошить Египет. На кораблях этой эскадры имеется множество русских, чья ненависть ко всем исповедующим единобожие, равно как и враждебность ко всем верующим в Аллаха и его посланника, широко известны. Русские ненавидят ислам, не почитают Коран, богохульствуют и верят в Троицу. Они воображают, что Бог — лишь один из ликов три-

⁶¹ Рей М.-П. Указ. соч. С. 379.

⁶² Ал-Джабарти, Абд Ар-Рахман. Египет в период экспедиции Бонапарта (1798–1801) / Перевод, предисловие и примечания И.М. Фильштинского. М., 1962. С. 55.

⁶³ Bourrienne L.-A. Mémoires de Bourrienne sur Napoléon, le Directoire, le Consulat, l'Empire et la Restauration. P., 1829. Vol. 3. P. 77–78.

единого божества. Но Аллах един и ни с кем не делит свою власть. Вскоре они увидят, что Троица не приносит им пользы, что это ложное учение и что лишь Бог всевышний, единый приносит победу тем, кто верит в его единство»⁶⁴. Однако подобная религиозная риторика воспринималась жителями Египта именно как демагогия, и ставка Бонапарта на то, что мусульмане Египта поддержат французов, не оправдалась⁶⁵.

Что же касается места религии в восточном обществе, то французы отмечали ее большую роль в жизни египтян и считали это одним из факторов сохранения состояния варварства. В издававшейся для французского корпуса в Египте газете «*Courrier de l'Égypte*» № 76 от 18 термидора VIII года (6 августа 1800 г.) (№ 76) в статье об исламе указывается, что «для величия мусульман особенно пагубной оказалась догма предопределения, которая побуждает их пренебрегать приобретением тех знаний, что дают нам столь большое преимущество над ними во всех сферах». То есть техническая отсталость связывалась именно с исламом. Кроме того, в глазах французов ислам и его обряды явно противопоставлялись идеям века Разума. Так, портной Берное, описывая паломников, высказывается следующим образом: «Я был действительно поражен невероятными бедствиями, которые эти темные фанатики терпят, страдая. Они верят, что убажуют Бога силой своих страданий, и хотят заслужить его благоволение усердным соблюдением бессмысленных и смехотворных религиозных обрядов. Рассматривая этих несчастных паломников, одетых в рубища, я пытался постигнуть мотивы, которые их приводят к подобному фанатизму. Как они могут закрывать глаза на просвещение и уши от голоса разума?»⁶⁶

Если во время Египетского похода французы пытались с помощью религиозных лозунгов привлечь местное население на свою сторону, то во время «русской кампании» религиозный фактор практически не был учтен при ее подготовке. При описании религиозной ситуации в России участники похода 1812 года активно использовали прежние стереотипы⁶⁷. Так, по мнению Ш. Лезюра, русские больше внимание уделяли об-

⁶⁴ Ал-Джабарти, Абд Ар-Рахман. Указ. соч. С. 219.

⁶⁵ О религиозной политике Бонапарта см.: Кириллина С. А. Исламские институты Османского Египта в XVIII – первой трети XIX века. Lewiston; Queenston; Lampeter: The Edwin Mellen Press, 2000. С. 212–263.

⁶⁶ Берное – жене. 30 нивоза VII года (9 января 1799) // Bernoyer F. Op. cit. P. 126.

⁶⁷ Подробнее о роли религиозного фактора в восприятии России европейцами см.: Liechtenhan F.-D. Les trois christianismes et la Russie: Les voyageurs occidentaux face à l'Église orthodoxe russe (XV-e – XVIII-e siècle). P., 2002.

рядовой стороне веры, что превращало христианскую религию в идолопоклонство⁶⁸. Идолопоклонниками называл русских и Сегюр⁶⁹. Именно искажение христианской религии, вызванное дикостью населения и необразованностью духовенства, а не различия между православием и католицизмом, стали, по мнению Лезюра, главной причиной, по которой христианство не оказало на Россию того цивилизующего влияния, как это произошло в Европе⁷⁰.

Некоторые авторы полагали, что хотя религиозность русских и была проявлением их варварства, это обстоятельство нужно было учесть при подготовке кампании, и тогда, возможно, ее исход был бы не столь плачевным⁷¹. Во многих мемуарах пленных отмечалось, что отсутствие у французов нателных крестов⁷² и несоблюдение постов⁷³ превращало их в глазах русских крестьян в нехристей и врагов православия, соответственно и относиться к ним можно было гораздо более жестоко. Частое использование французами церквей в качестве мест для ночлега и постоя лошадей вызывало особенно острую реакцию местного населения. В Великой армии было запрещено устанавливать палатки для ночлега, поэтому солдаты и офицеры довольно часто использовали церкви, как наиболее крупные строения, для постоя и в качестве конюшни⁷⁴. Такая практика имела место не только в России, в Египте французы также зачастую оскверняли культовые здания, однако именно во время кампании 1812 г. это вызвало наиболее сильный протест со стороны местного населения, подтвердив установки российской пропаганды, изображавшей французов врагами христианства и православной церкви. Тем самым французы подтвердили приписываемые им архетипические черты «иноземного врага», важной целью которого, согласно представлениям народных масс, всегда было уничтожение христианской церкви⁷⁵.

Координаты ментальной географии также сближали Россию и Египет. На основании опыта, приобретенного в Египте, французы судили о Востоке вообще, например, термин «турки» у них зачастую обозна-

⁶⁸ *Lesur Ch.L.* Op. cit. P. 89–90.

⁶⁹ *Segur Ph.P.* Histoire de Napoléon. T. 1. P. 277.

⁷⁰ *Segur Ph.P.* Ibid. P. 435.

⁷¹ *Ла Флиз де.* Указ. соч. С. 44.

⁷² *Иелин Х.Ф. фон,* Записки офицера армии Наполеона // Роос Г.У. С Наполеоном в Россию: записки врача Великой армии. М., 2003. С. 126 ; *Vieillot R.* Op. cit. P. 105.

⁷³ *Ла Флиз де.* Указ. соч. С. 86.

⁷⁴ *Petiteau N.* Op. cit. P. 21.

⁷⁵ *Чудинов А.В.* С кем воевал русский мужик в 1812 году? Образ врага в массовом сознании // ФЕ 2012. М., 2012. С. 360.

чал любых мусульман. Россия же представала на страницах мемуаров участников похода страной одновременно и северной, и восточной, но в любом случае варварской, каким считался и Египет. Восточные черты России сказывались в наличии у нее азиатских провинций и вообще близости к Азии как таковой. Многие мемуаристы проводили границу между Европой и Азией в окрестностях Москвы. Например, Бургонь полагал, что, когда армия вышла из Москвы по направлению к Калуге, она сразу оказалась в Азии⁷⁶. Ц. Ложье, как только увидел Москву с одного из холмов, сразу вообразил себя на границе Азии⁷⁷. Сегюр полагал, что из Москвы в Азию вела Владимирская дорога⁷⁸. О близости Востока говорил и перечень товаров, захваченных в Москве, а также встречи в этом городе с представителями различных восточных народов: китайцев, персов и индусов.

Комплекс необычных переживаний, связанных с кампаниями в Египте и России, превращал эти войны в глазах их участников, в глобальные конфликты между цивилизацией и миром варваров, аналогичные Троянской войне, походам Александра Македонского и Крестовым походам, аналогии с которыми проводились французами во время обеих кампаний. И если на примере Египетского похода речь шла о победе просвещенного Запада над невежественным Востоком, то опыт 1812 года, когда французы потерпели поражение в варварской стране, заставлял задуматься о судьбе всего цивилизованного мира, который, как и во времена Древнего Рима, может быть побежден русскими варварами, которые установят в Европе новое Средневековье.

Сходство двух кампаний проявилось также в том, что к концу XVIII в. Россия, как и арабо-османский Восток, были на передовом рубеже интеллектуального освоения мира европейцами⁷⁹. И Египет, и Россия казались дикими восточными странами, которые обладали рядом типичных черт варварского мира. Хотя эти регионы уже перестали быть для французов рубежа XVIII–XIX вв. мифическими, но информация о них была еще фрагментарной и наполненной различными клише. В такой ситуации очевидцы, участники похода в эти страны, становились для большинства французов очень авторитетными источниками информации об этих удаленных странах, хотя их свидетельства на самом деле могли быть крайне неточны и наполнены стереотипами восприятия,

⁷⁶ *Bourgogne A.J.B. Mémoires.* P. 56.

⁷⁷ *Ложье Ц.* Указ. соч. С. 101.

⁷⁸ *Segur Ph.P. Histoire de Napoléon.* T. 2. P. 31.

⁷⁹ *Wolf S.* The construction of a European world-view in the Revolutionary-Napoleonic years // *Past and Present.* 1992. № 137. Nov. P. 77.

основанными на традиционном архетипе врага. Централизованная пропагандистская машина, созданная во Франции на рубеже XVIII–XIX вв., также способствовала распространению и закреплению в широких слоях общества устойчивых стереотипов восприятия о Египте и России, которые надолго пережили свою эпоху.